

А. Р. ДЗЕНИСКЕВИЧ

БРЕСТ-ЛИТОВСКИЙ МИР ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Произвольное толкование событий всегда служило у буржуазных историков средством для оправдания тех или иных политических тенденций. В настоящее время, когда Советский Союз возглавляет борьбу народов за разрядку международной напряженности, за мир, особую остроту в буржуазной историографии приобретают проблемы внешней политики Советского государства в начальный период его существования. Работы реакционных и правосоциалистических историков по этой теме, как будет показано ниже, служат целям, ничего общего с наукой не имеющим.

Их авторы стремятся в первую очередь подорвать доверие пародов к проводимой Советским Союзом ленинской политике мира.

Советские историки вскрывают несостоятельность аргументации и антинаучность этих произведений. Можно назвать в этой связи работы С. Ю. Выгодского, Б. Е. Штейна, А. Е. Иоффе и С. В. Мокина.¹ Однако они дают относительно мало для оценки французской буржуазной литературы, посвященной вопросу Брест-Литовского мира. С. Ю. Выгодский уделяет в основном внимание Ленинскому декрету о мире и рас-

¹ См.: С. Ю. Выгодский. 1) О зарубежной историографии ленинского Декрета о мире. «Вестник Ленинградского государственного университета», № 2, 1958; 2) Ленинский Декрет о мире. Л., 1958 (глава III); А. Е. Иоффе и С. В. Мокин. Некоторые вопросы французской историографии Октябрьской революции. «Вопросы истории», № 1, 1960; Б. Е. Штейн. Некоторые вопросы истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР в освещении зарубежной историографии периода 1917—1924 гг. Сб. ст. «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1957.

сматривает преимущественно англо-американскую историческую литературу. А. Е. Иоффе и С. В. Мокин дают критический обзор общих французских трудов по истории Великой Октябрьской социалистической революции, и вопрос о выходе Советской России из войны, естественно, затрагивается ими только мимоходом. Несколько больше внимания уделяет этой теме Б. Е. Штейн, но рассматриваемая им литература ограничена хронологически рамками 1917—1924 гг.

Советские исследователи, занимавшиеся интересующей нас темой, как например Я. Г. Темкин, С. М. Майоров и др., не подвергали в своих работах критическому разбору зарубежную и, в частности, французскую литературу.²

Работ французских историков, специально посвященных выходу Советской России из империалистической войны или Брест-Литовскому миру, пока нет. Однако эта тема рассматривается почти всеми авторами общих трудов по истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны.

20-е годы характеризуются в буржуазной исторической литературе преобладанием произведений мемуарного характера, авторы которой были участниками описываемых событий, будь то эмигранты типа С. Перского³ или представители дипломатических и военных миссий французского правительства, как бывший посол Нуланс, стоявший на стороне контрреволюции. Влияние официально-правительственной концепции событий в России, а также белогвардейско-эмигрантской литературы проявилось в историографии Брест-Литовского мира прежде всего в муссировании так называемой «германской версии» Октябрьской революции и в других подобных грубых вымыслах, характерных для работ того времени.

В 30-е годы усиливается зародившаяся еще в 20-х годах буржуазно-либеральная концепция, одним из создателей которой является известный политический деятель Эдуард Эррио. Однако наряду с попытками беспристрастного рассмотрения социалистической революции в России и ее программы мира в эти годы иногда по-прежнему повторялись старые обвинения и тенденции откровенно антисоветской литературы 20-х годов. В эти же 30-е годы и особенно накануне второй мировой войны появляются работы, на которых определенный отпечаток наложила антинациональная политика сближения с фашистской Германией, проводимая вожаками крайне правой буржуазии.

² Я. Г. Темкин. *Большевики в борьбе за демократический мир*. М., 1957; С. М. Майоров. *Борьба Советской России за выход из империалистической войны*. М., 1959.

³ S. Persky. *De Nicolas II à Lenin (1917—1918)*. Paris, 1919.

После второй мировой войны на буржуазной историографии постоянно сказывались два наиболее значительных фактора — с одной стороны, колоссально возросшая мощь и влияние СССР, с другой — разжигаемая определенными кругами Запада «холодная война» против стран социалистического лагеря.

В первые годы после войны можно было думать, что французские буржуазные историки отказались от грубых форм искажения истории Великой Октябрьской социалистической революции. Об этом свидетельствует, например, «История России» Альберта Муссе,⁴ в которой Октябрьская революция рассматривалась с более объективных позиций. Однако начавшаяся вскоре кампания «холодной войны» вызвала появление целого ряда новых реакционных работ вроде книги Ж. Бонефу⁵ и переиздание старых — как например третье издание книги бывшего профессора Петербургского университета Б. Нольде.⁶ Особенно большую активность проявила в этом отношении правосоциалистическая печать, в частности, журнал «La Revue socialiste», поместивший ряд статей, авторы которых пытаются воскресить все изжившие себя «версии» и легенды, служащие задачам антисоветской пропаганды.⁷

Как особый период можно выделить последние 4—5 лет, характеризующиеся новыми гигантскими успехами Советского Союза во всех областях науки и техники, экономики и внешней политики. Конец 50-х годов, когда благодаря усилиям стран социалистического лагеря были сделаны первые шаги в ослаблении международной напряженности, характеризуется дальнейшим усилением прогрессивного направления в буржуазной историографии, способствующего борьбе за ликвидацию «холодной войны» и утверждение принципов мирного сосуществования. 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции было широко отмечено во Франции всей прогрессивной прессой, особенно в статьях и докладах руководителей французской коммунистической партии.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция и выход Советской России из грабительской империалистической войны были встречены буржуазией всех стран Антанты с ненавистью

⁴ A. Mousset. Histoire de Russie. Paris, 1945.

⁵ G. Bonnefous (ancien Ministre). Histoire politique de la Troisième République, t. II. La Grande Guerre, 1914—1918. Paris, 1957.

⁶ B. Noldé. L'Ancien régime et la Révolution russes. Paris, 1948.

⁷ См., например, Z. Тóралович. «La dictature communiste totalitaire». «La Revue socialiste», 1958, février, N 114.

и страхом. Буржуазная историография и пресса делали все возможное для того, чтобы опорочить перед трудящимися массами идеи Великой Октябрьской социалистической революции, исказить или скрыть от них сущность мирной политики Советского государства. Если Декрет о мире по понятным причинам многие буржуазные историки предпочитают иногда замалчивать, то Брест-Литовский мирный договор стал объектом резких нападок на Советское правительство в большинстве французских работ, посвященных периоду революции и гражданской войны в России. С первых же дней существования Советского государства французская публицистика изображала выход Советской России из империалистической войны или в духе так называемой «германской версии» (например, Ф. Гренар, Э. Антонелли, М. Фарро) или как «измену», «дезертирство» большевиков и даже всего русского народа по отношению к странам Антанты.⁸

Такая трактовка Брест-Литовского мира имела своей целью оправдать иностранную интервенцию и гражданскую войну в России. Даже такой автор как А. де Монзи, выступавший в свое время вместе с Э. Эррио за признание Советской России, отдает дань этой распространенной в буржуазной историографии версии. Указывая особенно на интересы Франции в Эльзасе и Лотарингии и опасения британского правительства за судьбу Индии, которая-де могла бы быть потеряна для Англии, если бы «германо-русский империализм подчинил себе Персию», он пишет, что интересы всех (капиталистических) стран были так или иначе затронуты и именно поэтому все правительства «согласились исключить из сообщества цивилизованных наций большевистскую Россию. . . Вот в таких условиях появился в марте 1918 г. акт аннексии»,⁹ — заключает де Монзи.

Таким образом, вольно или невольно, автор становится на позицию тех, кто пытался использовать выход Советской России из империалистической войны для оправдания или во всяком случае для «объяснения» причин интервенции. Как бы продолжая эту мысль, Ж. Вельтер в своей книге «Гражданская война в России 1918—1920» утверждал будто межсоюзнические действия в России в первые месяцы после захвата власти большевиками, собственно говоря, не были интервенцией и их основной целью было не свержение нового режима, а создание условий для продолжения Россией войны.¹⁰

⁸ Б. Е. Штейн, ук. соч., стр. 342—343.

⁹ A. de Monzie. Petit manuel de la Russie nouvelle. Paris, 1931, p. 112.

¹⁰ G. Welter. La Guerre civile en Russie 1918—1920. Paris, 1936, p. 69—70.

Несостоятельность подобных соображений видна хотя бы из того, что уже в ноябре 1917 г., т. е. еще задолго до подписания Брест-Литовского мирного договора, в Париже состоялась конференция Верховного Совета Антанты, на которой был решен вопрос об организации вооруженной интервенции против Советской России.¹¹ Грубые попытки оправдать интервенцию соответствовали общему усилению антисоветской пропаганды в годы подготовки гитлеровской агрессии. В этот период в исторической литературе стран Антанты снова усиливаются попытки найти доказательства мнимой связи большевиков с правительством империалистической Германии в сочетании с вымыслами о советской угрозе капиталистическому миру. Так, в вышедшей в 1937 г. книге Мули и Бергонье «Война между союзниками и Россией» авторы исходят из предположения тайной связи большевиков с германским правительством, а ленинскую политику борьбы за мир изображают как стремление к сепаратному миру с державами центра.¹²

Много внимания уделил Брестскому миру в своем трехтомнике «Русская революция» Анри Роллен.¹³ Он отрицает закономерный характер Великой Октябрьской революции 1917 г., большевизм для него «...только характерная для России острая форма тех последствий, которые война оставила во всех воюющих странах».¹⁴ Поэтому и мирная политика Советского государства является для него ничем иным как социальной демагогией. Автор признает, что русский народ не хотел войны. Подписание мирного договора с Германией (который он сравнивает с Тильзитским 1807 г.) Роллен изображает всего лишь как стратегический маневр, «внушенный» Ленину теорией Клаузевица.¹⁵ Точка зрения Роллена «увенчивается» бездоказательным заявлением будто В. И. Ленин хотел превратить Россию в огромную военную машину и сохранение мира в Европе зависит только от Советского Союза, так как для большевиков война может якобы стать верным способом для осуществления мечты К. Маркса о всемирной революции.¹⁶

Как бы прелюдией к сближению взглядов реакционных французских авторов с точкой зрения нацистских историков

¹¹ «Известия ЦИК», № 232, 1917. См.: Я. Темкин, ук. соч., стр. 337.

¹² «La guerre entre les Alliés et la Russie». Documents réunis par E. Moullis et E. Bergonier, 1937.

¹³ H. Rollin, La Révolution russe. Ses origines — ses résultats, tt. I—III. Paris, 1930—1931.

¹⁴ Там же, т. I, стр. XX.

¹⁵ Там же, т. II, стр. 217—218.

¹⁶ Там же, стр. XXI.

типа Теодора Крёгера, который объявил Брестский мир «величайшим историческим вероломством» со стороны большевиков,¹⁷ явилась книга генерала Нисселя.¹⁸ Весьма характерно, что это откровенное сближение с немецко-фашистской историографией происходило как раз в годы усилившейся для Франции опасности со стороны гитлеровской Германии. Воспоминания бывшего главы французской миссии в России генерала Нисселя вышли в свет именно в год, когда гитлеровцы оккупировали Францию. В этой книге проглядывается откровенная попытка обелить империалистическую Германию, показать «вынужденность» с ее стороны подписания мирного договора с Советской Россией. Аналогичную попытку находим мы и в упомянутой книге де Монзи.

В разделе «Европейские последствия Брест-Литовского договора» де Монзи преподнес договор как «пиррову победу», как «ошибку генерала Гофмана», последствия которой были-де «смертельны не только для графа Мирбаха, но и для самой империи. . .».¹⁹ Генерал Ниссель сожалел, что державы центра не могли уже продолжать войну и «были принуждены согласиться на договор с большевиками, даже ценой риска открыть проход распространителям мировой революции. . .».²⁰ Сходство точки зрения генерала Нисселя с рассуждениями бывшего германского разведчика Г. Крёгера поразительно. Ведь Крёгер тоже сожалел о том, что Германия вынуждена была пойти на Брестский мир, так как деятели Антанты не помогли ей в борьбе с угрожавшими мировым пожаром большевиками.²¹

Исторические успехи Советского Союза в период после второй мировой войны не могли не сказаться на позиции буржуазных историков, пишущих о России и Советском государстве. Если успехи первых пятилеток можно было в большей или меньшей мере замалчивать, то великую победу СССР над фашистской Германией, продемонстрировавшую непоколебимую прочность и неисчерпаемые возможности социалистического строя, было уже невозможно игнорировать. Успехи передовой науки и техники социалистического лагеря в послевоенный период стали известны во всех уголках земного шара. Огромный рост интереса народов к успехам социалистических стран заставил часть буржуазных историков отказаться от грубой лжи и явной тенденциозности.

¹⁷ Т. Kröger. Brest-Litovsk. Beginn und Folgen des Bolschevistischen Weltbetrug. Berlin, 1937, S. 209, 205.

¹⁸ Général Niessel. Le triomphe des bolcheviks et la paix de Brest-Litovsk (Souvenir 1917—1918). Paris, 1940, p. 346.

¹⁹ А. de Monzie, ук. соч., стр. 113.

²⁰ Niessel, ук. соч., стр. 346.

²¹ Т. Kröger, ук. соч., стр. 293.

Большинство французских буржуазных историков, занимающихся историей России, было вынуждено отказаться от пресловутой «германской версии» русской революции, отказаться от трактовки выхода Советской России из войны как «измены». Значительно реже встречаются теперь открытые попытки взять под защиту военную интервенцию империалистических держав. В некоторых работах буржуазных ученых в послевоенный период наблюдается стремление к фактически верному изложению революционных событий в России, к более или менее объективной их оценке. Однако и для авторов таких работ характерна, как правило, позиция непризнания закономерного возникновения Великой Октябрьской социалистической революции.

Таким образом, новые черты в этих работах сводятся лишь к пересмотру форм и методов трактовки и изложения истории советского общества. Следует оговориться, что эти изменения затрагивают, главным образом, историографию буржуазно-либерального направления. Но во Франции появляется немало работ и открытых недругов советской страны, которых интересовало не установление исторической истины, а пропаганда своих реакционных политических взглядов.

Типичным представителем этого последнего направления является бывший государственный деятель, министр в правительстве Пуанкаре и Бриана Жорж Боннефу.

Его сочинение «Великая война 1914—1918», являющееся вторым томом его «Политической истории Третьей Республики», претендует на глубокую научность и было представлено на национальный конкурс научных изысканий.²² В этой книге Ж. Боннефу настойчиво повторяет вымыслы, давно опровергнутые историей, вроде гнусного слуха о 70 миллионах рублей, полученных якобы большевиками от кайзера за выход России из войны.²³ Боннефу изо всех сил стремится внушить читателю, что мир, который большевики «заставили» подписать Россию, отдавал страну в руки австро-германского блока. Этим-де и объясняется активность французского правительства и его вмешательство во внутренние дела Советской России. Автор ссылается при этом на фарисейское выступление министра иностранных дел Пишона на заседании французского парламента. «Все, что мы сделали в течение года [1918] против большевиков в России, — говорил Пишон, стремясь обмануть обществен-

²² G. Bonnetous, ук. соч., т. III (1919—1930 гг.) и т. IV (1931—1940 гг.) готовятся к печати его сыном Эдуардом Боннефу.

²³ Там же, стр. 353.

ное мнение, — мы сделали против Германии».²⁴ Боннефу воспроизводит, таким образом, самые архаические формы анти-советской клеветы, не задумываясь над тем, что наибольшей силы интервенция достигла как раз уже после победы Антанты над Германией. В предисловии ко II тому книги Боннефу Андрэ Сиежфрие пишет, что автор поступил мудро, посвятив последнюю часть своей жизни изучению истории. Однако автор не брезгует и повторением давным давно переживших себя басен о «подавлении свободы рабочих и крестьян», «задушенном голосе нации», «истреблении поляков, чехов и югославов» и, наконец, простой бранью по адресу Советского правительства.²⁵ Остается только констатировать, что буржуазный историк, претендующий на «научность», не стесняется даже в 1957 г. повторять давно отпавшие в силу своей несостоятельности обвинения в агрессивных замыслах Советской России 1918 г., после почти сорокалетней мирной политики нашего государства и после второй мировой войны, в которой нашей Родине принадлежала благородная роль освободителя народов Европы от фашистского ига.

Как указывалось выше, книги, подобные писаниям Боннефу, не являются показательными для послевоенного периода. Большинство французских буржуазных историков отказалось от грубых приемов публицистов, писавших о Советской России 40 лет назад, однако для многих из них остается характерным непризнание объективной закономерности Великой Октябрьской социалистической революции, непонимание или нежелание понять классовую сущность политических явлений. Они, как правило, замалчивают ленинский Декрет о мире или, мимоходом упомянув о нем, не объясняют его сущности. Брест-Литовский мир рассматривается ими также в отрыве от принципиальных установок нашей партии, выраженных, в частности, в Декрете о мире. Такой подход к миру с Германией сводит его до уровня обычных взаимоотношений империалистических государств и дает возможность буржуазным историкам изыскивать всевозможные объяснения причин выхода России из грабительской войны. Обратимся для примера к книге Пьера Ре-

²⁴ Там же, стр. 439. Совершенно так же оправдывает интервенцию в своих мемуарах Ллойд Джордж, пытаясь доказать будто правительства Антанты стремились в России только к тому, чтобы «сплотить и укрепить те разрозненные элементы, которые продолжали еще оказывать сопротивление немцам». Вопреки фактам он утверждает, что союзники будто бы «организовали и субсидировали не антибольшевистскую кампанию, а антигерманский фронт» (Дэвид Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах, т. I. М., 1957, стр. 275).

²⁵ С. Bonnetous, ук. соч., стр. 440.

нувена «История международных отношений».²⁶ Рассматривая события 1917 г., автор не в состоянии в них разобраться. Не вдаваясь в глубокие причины политического кризиса в России, не видя в стране социальных условий и экономических предпосылок для величайшего революционного переворота, отказываясь от всякого анализа расстановки классовых сил, он рассматривает Октябрьское восстание лишь как результат «экономического кризиса, административного расстройств и морального смятения» в России осенью 1917 г., чем и воспользовались якобы большевики. Он признает, что крестьяне не желали воевать и что их внимание было сосредоточено на решении аграрного вопроса. Он констатирует, что массы внимательно прислушивались к дозунгам мира Ленина и большевистской партии. Однако автор не может решить вопрос, почему Временное правительство противостояло этому движению. Он лишь отмечает, что с мая 1917 г. Керенский становится решительным противником сепаратного мира с Германией.²⁷ Не видя классовой сущности политики Временного правительства, Ренувен не в силах объяснить лавирование Керенского между «войной до победного конца» и «миром без аннексий и контрибуций» — противоречие, на которое он сам обращает внимание читателя. Не может, а скорее всего не хочет разобраться в классовой сущности событий и Эдуард Краковский.²⁸ Признавая, что Керенский «слишком усердный друг» генерала Корнилова, Краковский тут же высказывает предположение, что министр-председатель проводил политику «войны до победного конца» в целях личной славы «... и, может быть, оттого, что он искал поддержки у союзников».²⁹ Это нельзя назвать глубоким анализом действий буржуазного Временного правительства. Почему же, спрашивается, Керенский не использовал в личных интересах мирную политику, которая, как признает автор, была весьма популярна в России? По отношению к В. И. Ленину, кстати сказать, буржуазные историки пишут иногда, что лозунг мира «привел его к власти» (см., например, Роллен).³⁰

Совершенно очевидно, что политикой правительств руководили не интересы отдельных личностей и дело не в личных интересах Керенского, а в классовой сущности политики, проводимой буржуазным Временным правительством при поддержке

²⁶ P. Renouvin. Histoire des relations internationales, t. 7. Les crises du XX siècle (1914—1929). Paris, 1957.

²⁷ Там же, стр. 93.

²⁸ E. Krakowski. Histoire de Russie. L'Eurasie et l'Occident. Вышла в Париже двумя изданиями: в 1954 и в 1957 г.

²⁹ Там же, 1954, стр. 341.

³⁰ H. Rollin, ук. гоч., т. I, стр. 110, 112.

империалистических правительств Антанты. Отказываясь от анализа классово-борьбы, буржуазные историки обречены на блуждания между различными бездоказательными предположениями.

Это логически приводит к неправильным толкованиям причин выхода России из войны. Заключение сепаратного мира, по мнению Ренувена, было подготовлено двумя силами. Первое — это то, что «население так и не поняло мотивов войны»; второе — то, что правительство «еще задолго до падения царизма показало себя неспособным организовать снабжение города...». «Именно влияние этих проникающих вглубь сил подготавливает и объявляет сепаратный мир».³¹ Автор — нужно отдать ему должное — ищет объективных причин. Однако мы не можем согласиться с таким объяснением. Известно, что «население» и особенно наиболее революционная часть его — пролетариат и беднейшее крестьянство — с помощью большевиков как раз поняли смысл грабительской империалистической войны и именно в силу этого не захотели продолжать ее. Принципиальный отказ от участия в империалистической войне красной нитью проходит через всю деятельность партии большевиков как в дооктябрьские, так и в послеоктябрьские дни. Этот принцип был вписан Лениным в принятый II съездом Советов Декрет о мире как основная причина выхода России из войны. «Продолжать эту войну, — гласил Декрет, — из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, Правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях».³²

Неприемлемо для объяснения мирного договора Советской России с империалистической Германией и указание на плохое снабжение городов. Особенно видна несостоятельность этого тезиса, если вспомнить, в каких трудных условиях боролись и победили советские люди во время иностранной интервенции и гражданской войны.

Еще более выявляется тенденциозность Ренувена в оценке причин, побудивших Советское правительство заключить сепаратный мир с Германией. В своей книге он несколько раз возвращается к попыткам объяснить действия большевиков. «Мир без аннексий и контрибуций и, особенно, мир немедленный, стал

³¹ Р. Ренувин, ук. соч., стр. 93.

³² «Декреты Советской власти», т. I, М., 1957, стр. 15.

(для большевиков, — А. Д.) необходимым предисловием к реконструкции политической и социальной». ³³ В этой формулировке сразу обращает на себя внимание то обстоятельство, что Ренувен избегает называть мир частью большевистской программы. Далее. Автор пишет, что В. И. Ленин «имел только одну цель в переговорах в Брест-Литовске — выиграть время, в надежде, что тем временем придет в Берлин или Вену политический и социальный кризис». ³⁴ Такое объяснение слишком узко и примитивно. Оно не может отразить всей совокупности причин, породивших Брест-Литовский мир, и совершенно оставляет в стороне один из главных моментов — желание Советской России выйти из империалистической войны. Кроме того, автор допускает преувеличение, акцентируя внимание на том, что Ленин ждал революции в Берлине или Вене. «... Было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок) или не наступит», — написано в ленинских тезисах, принятых ЦК партии 23 февраля 1918 г. ³⁵ Таким образом, если и можно говорить о «выигрыше времени», то, главным образом, в том смысле, что родившемуся государству рабочих и крестьян оно было необходимо для создания государственного аппарата, для завершения перехода власти во всех областях страны в руки рабочих и беднейшего крестьянства, для экстренной подготовки отпора агрессивным замыслам империалистических государств.

Приводя самые различные объяснения одного и того же явления, Ренувен совершенно последователен только в одном. Выдвигая второстепенные причины на первое место, он заслоняет ими принципиальный протест большевиков против хищнической империалистической войны, стремится обойти молчанием принцип мирной политики, так ярко выраженной ленинским Декретом о мире. Непризнание закономерности и неизбежности Великой Октябрьской социалистической революции логически дополняется трактовкой большевистской политики мира как «маневра» или «тактики». Выход Советской России из войны для Ренувена лишь проявление «проницательности большевистских вождей, которые для того, чтобы обеспечить успех этому революционному движению, объявили свою волю положить конец войне, от которой масса населения уже отошла

³³ Р. Ренувин, ук. соч., стр. 91.

³⁴ Там же, стр. 100.

³⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 402—203; см. также: «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», Август 1917—февраль 1819 г. М., 1958, стр. 230; или В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 38—39.

шесть месяцев назад».³⁶ Вот где выявляется, наконец, совершенно ясно мнение автора о причине мирной политики Советского государства.

Изображение выхода Советской России из войны и заключения мирного договора с Германией, как просто тактического маневра, характерно в последние годы для большинства французских буржуазных историков.

Так, в упоминавшейся уже книге Э. Краковского говорится, что подписание Брестского мира, «добытого дорогой ценой, было единственным средством для большевиков выиграть время, необходимое для того, чтобы заставить нацию следовать их программе».³⁷

Еще более реакционный Б. Нольде, для которого Великая Октябрьская социалистическая революция так и осталась «явлением странным и чрезвычайным», объяснимым только через «исключительность» и «своеобразность» исторического пути России, преподносит свою точку зрения более откровенно. Его тенденциозная, клеветническая работа полна идеалистической путаницы; «объективность исследователя», на которую он торопится сослаться в предисловии, не мешает ему клеветнически заявлять, что новое правительство только «для вида» призывало воюющие государства к миру, а в действительности якобы шло к сепаратному договору с неприятельской коалицией.³⁸

Изображение ленинской мирной политики как «маневра» дополняется у подавляющего большинства французских буржуазных исследователей замалчиванием многочисленных попыток Советского правительства добиться переговоров о мире со всеми воюющими державами. Кроме Декрета о мире, это официальные предложения мира, выраженные: нотой Советского правительства послам союзных держав от 21 ноября 1917 г., обращением через представителей нейтральных стран 23 ноября к державам центрального блока, обращением Совета Народных Комиссаров к народам воюющих стран от 28 ноября, нотой Наркомата иностранных дел к послам союзных держав от 30 ноября, это, наконец, нота Советского правительства от 6 декабря и т. д.³⁹ Все они единодушно замалчиваются буржуазной историографией, так как это замалчивание облегчает изображение Брестского мира только как маневра, только как вынужденной меры Советского правительства.

³⁶ P. Renouvin, ук. соч., стр. 96.

³⁷ E. Krakowski, ук. соч., 1957, стр. 381.

³⁸ B. Nolde, ук. соч., стр. 192.

³⁹ «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, стр. 11, 16, 22, 28, 31, 41; док. №№ 2, 5, 9, 13, 15, 22.

На протяжении всей своей героической истории партия большевиков боролась за мир для трудящихся масс. Ленинская внешняя политика всегда отражала основные чаяния народов — жить в условиях мира и процветания. Сам смысл пролетарской революции заключается в обеспечении человечеству условий жизни без насилия и эксплуатации, без войн и нищеты. Мир был, таким образом, одной из целей, которые ставил себе пролетариат, проводя социалистическую революцию.

Именно поэтому одним из первых актов Советского правительства было обращение ко всем воюющим державам с предложением заключить всеобщий демократический мир. Лишь желание буржуазных правительств Франции, Англии и США прекратить мировую войну вынудило Советскую Россию пойти на заключение одностороннего мирного договора с Германией, чтобы обеспечить себе условия для немедленного выхода из войны. Хищники германского империализма воспользовались трудностями создавшегося положения, чтобы силой навязать Советскому правительству грабительские условия мира. Условия договора, на которых молодая Советская республика вышла из войны, были крайне невыгодны и унижительны. Осуществление принципа мира, выраженного ленинским Декретом о мире, и грабительский договор, навязанный Германией Советской России, стали двумя различными сторонами Брест-Литовского мира. Считать, что Брестский мир был нужен для спасения социалистической революции, — это правильно, но это в то же время совершенно недостаточно для характеристики Брест-Литовского мира в целом. Надо постоянно различать две его стороны. С одной стороны, большевики пошли на невыгодные условия договора в интересах спасения революции — это вопрос тактики, и в данном случае можно говорить о маневре. С другой стороны, лозунг мира, провозглашенный большевиками, их выход из империалистической войны нельзя называть маневром. Смешивание этих различных вопросов ведет к одностороннему и, следовательно, неправильному пониманию Брестского мира.

Рассматриваемый всегда в зависимости от главного вопроса, т. е. вопроса о социалистической революции, принцип борьбы за мир никогда не был для большевиков ни вынужденным, ни демагогичным. Он являлся важнейшим пунктом внешнеполитической программы нашей партии. Совершенно иной подход к лозунгу мира всегда обнаруживали буржуазные партии и правительства, прикрывавшие им свои агрессивные устремления. Хорошим примером политической демагогии могут служить действия представителей Антанты и министров изгнанного наро-

дом Временного правительства, когда, собравшись в Могилеве в ставке генерала Духонина, они пытались создать новое правительство во главе с эсером В. Черновым. Ссылаясь на телеграмму итальянского посла Карлотти, в которой говорилось, что «союзники решили освободить Россию от союзных обязательств и предоставить ей возможность заключить более выгодный сепаратный мир...», контрреволюционеры рассчитывали с помощью украденного ими у большевиков лозунга мира вернуться к власти.⁴⁰ Судьба этой попытки известна. Народные массы и армия, знавшие цену действительной политике представителей буржуазного Временного правительства, не обратили никакого внимания на призывы и обещания Чернова, а представители Антанты после провала этой авантюры объявили телеграмму недействительной.

В то время как основные положения советской исторической науки основаны на проверенных фактах и строго документированы, буржуазные фальсификаторы истории не способны обосновать свои реакционные, зачастую вымышленные утверждения. На что, например, могут сослаться в подтверждение своей «версии» авторы, выдающие советскую мирную политику за маневр? Мы не находим ни у кого из них хоть каких-либо доводов. Таким образом, и замалчивание усилий Советского правительства, направленных на достижение всеобщего мира, и бездоказательное, ни на чем не основанное объявление мирной политики «маневром» есть типичное проявление тенденциозности в буржуазной историографии.

Эта общая для большинства французских буржуазных историков черта дополняется у разных авторов целым рядом ошибок и искажений, унаследованных от периода 20—30-х годов и повторяемых теперь в смягченной и часто завуалированной форме.

Так, все еще встречаются намеки на возможность использования большевиками в революционных целях денег германского правительства, все еще обнаруживается стремление так или иначе доказать необходимость военной интервенции, предпринятой Антантой. Более или менее завуалированные попытки этого рода мы находим у Э. Краковского и Ренувена.⁴¹ По мнению последнего, мысль об организации союзного экспедиционного корпуса возникла у глав французского, английского и американского правительств сперва якобы только в связи с желанием

⁴⁰ «История дипломатии», т. II, М., 1945, стр. 310; «Красный архив», т. 23, стр. 236.

⁴¹ Е. Краковский, ук. соч., 1954, стр. 381; Р. Ренувин, ук. соч., стр. 105.

предотвратить переброску немецких войск с русского фронта на поля сражений в Шампани и Пикардии. Ренувен признает акт интервенции со стороны Антанты, упоминает инструкцию французского правительства, по которой чехословацкие части должны были стать центром для организации антибольшевистских сил, однако причину этих агрессивных действий против Советской России он ищет в факте заключения Брест-Литовского мирного договора. Он считает, что западные державы не сочли возможным пойти на соглашение с Советским правительством потому, что считали его «... ответственным за сепаратный мир».⁴²

Таким образом, хотя и выраженный в более сдержанной форме, выход России из грабительской войны снова становится «причиной» борьбы империалистов всех стран против молодого государства рабочих и крестьян.

Неоригинален Ренувен и тогда, когда намекает на якобы имевшее место «противоречие» между принципами мирной политики, провозглашенными большевиками, и гражданской войной с наседавшими со всех сторон силами контрреволюции. В этом надуманном противоречии видел еще в 1918—1919 гг. «самое серьезное банкротство большевизма» французский буржуазный историк Клод Анэ, пытавшийся доказать, что «есть войны неизбежные» и что поэтому «главный пункт ленинской программы не может быть достигнут».⁴³

Рассматривая приведенные примеры, мы должны констатировать, что, несмотря на некоторый прогресс в трактовке данной темы буржуазными историками, несмотря на попытки более добросовестного научного исследования и изложения материала, все еще имеет место целый ряд старых приемов и «версий», повторяемых теперь лишь в более ограниченных размерах и в более осторожной форме. Можно отметить даже случаи, когда рассмотренные выше работы дают материал для антисоветской пропаганды.

Изображение выхода Советской России из войны и заключения сепаратного мира с Германией только вынужденной мерой в целях спасения революции есть один из способов замалчивания и даже искажения мирной политики, проводимой Советским государством с октября 1917 г. Французские историки, отстаивающие подобные позиции, вольно или невольно служат интересам господствующих классов в идеологической борьбе со странами социалистического лагеря.

После посещения осенью 1959 года Соединенных Штатов Америки Н. С. Хрущевым Н. Рокфеллер и подобные ему по-

⁴² P. Renouvin, ук. соч., стр. 107.

⁴³ Claude Anet. La Révolution Russe, t. IV. Paris, 1919, p. 16.

литические деятели в своих публичных выступлениях и заявлениях для печати объявили политику мирного сосуществования, предлагаемую Советским правительством, «ловушкой». Реакционная печать Запада делает все, чтобы представить меры Советского Союза, направленные на предотвращение новой военной катастрофы, как пропаганду. Снова появились на свет истрепанные обвинения, будто бы ленинизм считает войны «средством ускорения революционного процесса против капитализма» и что «если существует страна, желающая войны, так это только Россия» и т. д.

В идеологической борьбе империалистов против политики запрещения ядерных испытаний и всеобщего и полного разоружения буржуазные ученые не могут остаться совершенно в стороне. Замалчивая или искажая мирную политику социалистического государства на одном из этапов его исторического пути, они объективно присоединяются к кампании, которая ведется реакционными силами с целью дискредитировать высокогуманные принципы советской внешней политики.

Вместе с тем в самое последнее время можно отметить признаки усиления прогрессивного направления в буржуазной историографии. Примером работ этого направления является вышедший в 1957 г. последний том «Всеобщей истории цивилизации» Мориса Крузе.⁴⁴ Автор этого тома сумел в главах, посвященных истории советского общества, в основном объективно изложить последовательный ход развития первого в истории социалистического государства. Сравнивая политические линии Временного правительства и партии большевиков, М. Крузе указывает на то, что программа большевиков была радикальна, она включала в себя мир, свободу наций, экспроприацию помещичьей собственности и национализацию земли, банков и крупных предприятий, рабочий контроль над производством и была поэтому поддержана народом.⁴⁵

Таким образом, автор признает требование мира программным требованием партии, чего мы не находили в предшествующих трудах французских буржуазных историков. Ставя в кавычки избитое обвинение в измене, М. Крузе показывает свое несогласие с подобным «объяснением» выхода России из империалистической войны.

⁴⁴ М. Crouzet. Histoire générale des civilisations, t. VII, L'époque contemporaine à la recherche d'une civilisation nouvelle. Deuxième édition revue et corrigée. Paris, 1959 (подробнее см. рецензию «История СССР», № 6, 1959).

⁴⁵ М. Crouzet, ук. соч., стр. 220.

Определяя причины враждебных действий союзных держав в отношении Советской России, он указывает следующие основные моменты: желание восстановить правительство войны, чтобы вернуть к действию огромный восточный фронт; желание подорвать влияние большевистской пропаганды в Европе; стремление добиться признания царских долгов и уважения к собственности иностранцев в России.⁴⁶ Автор не все называет своими именами, не все договаривает, и мы, конечно, не можем полностью принять его объяснения. Основную цель иностранной интервенции он выражает нечетко и отводит ей по существу второстепенную роль.

Выдвигая на первый план стремление союзников заставить Россию возобновить войну с Германией, М. Крузе отдаст дань старой концепции. Однако, учитывая его стремление объективно изложить ход интервенции и вмешательство правительств Антанты во внутренние дела Советской России, выражавшееся в организации заговоров и экономической блокады, в широкой помощи, оказанной «консерваторам всех оттенков от социал-революционеров и меньшевиков до приверженцев старого режима...»,⁴⁷ мы должны признать, что имеем дело с искренней попыткой разобраться в действительной сущности событий, происходивших в России.

Неутомимую борьбу с реакционными тенденциями буржуазной историографии ведут коммунисты Франции.

Буржуазным измышлениям, подобным выдумкам о «неизбежности войн», попыткам затушевать или исказить мирную политику Советского государства французские коммунисты в своих работах противопоставляют марксистский анализ исторических событий. Они показывают закономерный характер Великой Октябрьской социалистической революции, анализируют ее классовую сущность, раскрывают империалистическую природу войн, развязывают неразрывную связь внешней политики Советского Союза с классовой природой государства рабочих и крестьян, разоблачают истинные причины военной интервенции империалистов в период гражданской войны в России. Они указывают, что тезис мирного сосуществования не выдуман, а логически вытекает из ленинской теории о возможности построения социализма в одной стране.

Таковы статьи и выступления Мориса Тореза, в которых разоблачаются лживые утверждения буржуазной печати о «фатальной неизбежности войн», Советское государство рассматривается, как оплот мира, как государство, которое «с самого сво-

⁴⁶ Там же, стр. 222.

⁴⁷ Там же.

его рождения подняло знамя мира и независимости всех народов». ⁴⁸

Многие работы французских коммунистов специально посвящены разъяснению мирных принципов внешней политики Советского Союза. В своей статье «Москва — столица свободы и мира» Марсель Кашен писал, что «с самого момента своего образования в 1917 г. Советское правительство, возглавленное Лениным, опубликовало исторический декрет, которым призвало все воюющие народы немедленно начать переговоры о мире справедливом и демократическом. Империалистические государства не пожелали признать молодое революционное правительство Советов. В течение трех лет они пытались поддерживать гражданскую войну в России, мечтая о свержении ненавистного им нового строя». Последовательно проследив миролюбивую внешнюю политику Советского Союза за прошедшие со времени революции годы, тов. М. Кашен делает общий вывод, что «великая страна социализма всегда была прежде всего озабочена поддержкой отношений дружеского мира и лояльного сотрудничества со всеми нациями». Это постоянное стремление к миру объясняется, по мнению Кашена, тем, что главной целью советской внутренней политики является обеспечение постоянно растущих потребностей всего населения этой огромной страны. ⁴⁹ Этой же теме в канун 40-й годовщины Великого Октября были посвящены статьи Ж. Дюкло «Сорок лет службы миру» и Ж. Рио «Советский Союз — оплот мира». ⁵⁰

Сделав краткий обзор внешней политики СССР за 40 лет его существования, авторы дают анализ причин исключительной последовательности и постоянства, с которым Советское государство борется за мир и разоружение во всем мире.

«По самой своей природе, — пишет Жан Рио, — экономический и социальный строй СССР исключает агрессивные намерения. В этой стране не существует экономических или социальных групп, заинтересованных в производстве и торговле вооружением, в войне, в завоевании и эксплуатации других наций». ⁵¹

⁴⁸ M. Thorez. 1) Le peuple de France ne fera jamais la guerre à l'Union soviétique. «Cahiers du communisme», № 11, 1948, novembre; 2) L'Influence de la Révolution d'Octobre sur le mouvement ouvrier Français, «Cahiers du communisme», № 10, 1957, octobre; 3) Les ouvriers Français et l'anniversaire d'Octobre, «Cahiers du communisme», № 11, 1957, novembre, и др.

⁴⁹ Marcel Cachin. Moscou, capitale de la liberté et de la paix. «Cahiers du communisme», № 10, 1948, octobre, p. 1058.

⁵⁰ J. Duclos. Quarante années au service de la paix. «Démocratie nouvelle», numero special, 1957, novembre; Jean Rieu. L'Union Soviétique, force de paix, «Cahiers du communisme», № 10, 1957, octobre.

⁵¹ J. Rieu, ук. соч., стр. 1525.

Именно этим объясняет автор то обстоятельство, что, начиная с первого своего акта — Декрета о мире, государство рабочих и крестьян неустанно проводило мудрую и гибкую политику мира между всеми народами.⁵²

Начало широкого движения народов за мир связывает с Великой Октябрьской социалистической революцией и Л. Бухали в своей статье «Октябрьская революция и национальное движение в Алжире».⁵³

Непоколебимость принципов мирной политики, выраженных еще в ленинском Декрете о мире и естественную связь этих принципов с классовой сущностью Советского государства освещает в статье «Предложения Советского Союза, бдительного стража мира» Флоримон Бонт.⁵⁴

Эта же тема красной нитью проходит через всю книгу Жоржа Коньо «Знакомство с Советским Союзом».⁵⁵

Акт рождения первой в мире социалистической страны, как пишет Ж. Коньо, был в то же время актом мира. Не желая принимать никакого участия в грабительской империалистической войне, «Советская власть революционным путем вышла из мировой войны и заключила мир».⁵⁶ Излагая основные этапы истории внешних отношений СССР, тов. Коньо дает марксистский анализ причин его мирной политики. Мир и свободное развитие равноправных народов — вот интересы народа социалистического государства.

Внешняя и внутренняя политика Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства составляют неразрывное целое, и та, и другая направлены к великой цели построения коммунистического общества. Это мирное строительство должно быть обеспечено внешними условиями — сохранением мира на земле.⁵⁷

Опровергая вредные измышления буржуазной печати, разъясняя мирную политику Советского государства, французские коммунисты тем самым борются за утверждение принципов мирного сосуществования, за всеобщий прогресс человечества.

В сохранении мира и дружеских отношений всех стран с лагерем социализма французские коммунисты видят залог светлого будущего всех народов. Именно поэтому, приветствуя

⁵² Там же, стр. 1526.

⁵³ Larbi Bouhali. La Révolution socialiste d'Octobre et le mouvement national Algérien. «Cahiers du communisme», № 11, 1957, novembre.

⁵⁴ F. Bonte. Les propositions de l'Union soviétique, gardienne vigilante de la paix. «Cahiers du communisme», № 11, 1948, novembre.

⁵⁵ Ж. Коньо. Знакомство с Советским Союзом. М., 1959 (перевод с французского).

⁵⁶ Там же, стр. 63.

⁵⁷ Там же, стр. 205.

42-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, редакция прогрессивного журнала «La Pensée» в передовой статье писала, что марксистская интеллигенция во Франции более чем когда-либо горда своей солидарностью с Советским Союзом. «Мы радуемся его (Советского Союза, — *Ред.*) экономическим победам, его подвигам техническим и научным. Мы поздравляем себя с тем, что весь мир должен признать: социализм — это мир!».⁵⁸

⁵⁸ «La Pensée», № 88, 1959, novembre—décembre, p. 6.